

*Глории Вайсман,
любви всей моей жизни,
и в память о моей семье,
погибшей при нацистах.*

Оглавление

Введение	9
Глава первая	18
Глава вторая	24
Глава третья	32
Глава четвертая	40
Глава пятая	56
Глава шестая	67
Глава седьмая	75
Глава восьмая	87
Глава девятая	96
Глава десятая	112
Глава одиннадцатая	127
Глава двенадцатая	141
Глава тринадцатая	148

Глава четырнадцатая	160
Глава пятнадцатая	168
Глава шестнадцатая	182
Глава семнадцатая	195
Глава восемнадцатая	205
Глава девятнадцатая	212
Глава двадцатая	226
Глава двадцать первая	234
Глава двадцать вторая	245
Глава двадцать третья	261
Эпилог	266
Об OSE	270
Основные события	273
Благодарности	280

Введение

Я произношу ее имя, и старая боль возвращается. Забудь ее, скажете вы? Но как можно забыть живое человеческое существо?

Шолом Алейхем

Я помню, откуда я родом. Скаржиско-Каменна, город на юге Польши, находится в долине реки Каменна. Если обвести кружком Варшаву, Люблин, Краков и Лодзь, Скаржиско-Каменна окажется практически в центре. И именно так город, собственно, сформировался: вокруг железнодорожной станции, связывавшей их между собой. Скаржиско-Каменна, несмотря на небольшие размеры, славился своей промышленностью, особенно военной: на оружейном производстве в 1939 году работало более четырех тысяч человек из 19-тысячного населения города. Национальная оружейная фабрика изготавливала оружие и боеприпасы для польской армии. Когда в сентябре 1939 года нацисты захватили Польшу, они конфисковали фабрику и передали ее немецкому концерну HASAG (Hugo Schneider Aktiengesellschaft)¹. Большинство польских рабо-

¹ Hugo Schneider AG (*сокр.* HASAG) — немецкая компания по производству металлических изделий из Лейпцига, позднее — один из крупнейших концернов германского военно-промышленного комплекса. Основана в 1863 году, прекратила свое существование в 1947 году. (*Здесь и далее — прим. ред.*)

чих было уволено, а на фабрику согнали евреев, работавших на вермахт принудительно и бесплатно.

Евреи жили в Польше более тысячи лет, временами пользуясь относительной свободой, временами подвергаясь преследованиям. На момент начала Второй мировой войны в Польше было больше евреев, чем в любой другой стране мира. Около 2500 евреев жило в Скаржиско-Каменна. Наша тамошняя община называлась *штетл*. По всей Польше в таких штетлах проживало более трех миллионов евреев. Ну, а больше всего евреев было в Варшаве.

Когда мой папа в начале 1920-х годов купил дом на улице Третьего мая, еврейские общины в Польше мирно соседствовали с остальным населением. При польском правителе Йозефе Пилсудском у евреев были права. Евреи могли владеть землей, иметь свое дело, занимать политические и военные посты, преподавать в университетах. В первые два десятилетия двадцатого века Скаржиско-Каменна процветала и привлекала множество еврейских эмигрантов, включая папу, который переехал из России. Первая синагога в Скаржиско-Каменна была построена в 1910 году. Несколько лет спустя там появилось и еврейское кладбище. Но в 1935-м Пилсудский умер. И ситуация в одночасье переменялась.

Я, однако, мало что знаю о тех временах в Польше. Скаржиско-Каменна запомнилась мне лесами и трелями птиц, ветрами, уносившими в небо ароматный дымок из нашей печной трубы, и арома-

тами домашней стряпни — маминых борщей и говяжьей грудинки.

Папа был шляпником и портным. В основном он делал *штраймлы* — черные шляпы с широкими полями из натурального меха, которые носили местные евреи, но также и обычные головные уборы. А еще шил костюмы на заказ.

Папу звали Хиль; он был рослый — под метр девяносто, с крепкими плечами и широким лицом, в точности как мои старшие братья: Хаим, которому в 1939-м исполнилось двадцать два, и семнадцатилетний Мойша. Была еще сестра, Рахиль — мы называли ее Лия, — на восемь лет старше меня.

Несмотря на массивную фигуру, голос у папы был тихий. Все в городе его любили. Местные старики и приезжие, оказавшиеся в Скаржиско-Каменна, приходили к нам домой послушать, как он читает Тору или рассказывает разные истории вроде *Тевье-молочника*, спросить совета или поинтересоваться его мнением о политике, религии и философии. А самое главное было то, что папа очень любил маму. Ее звали Рифка. Мы вместе ходили гулять на реку, и он всегда вел ее за руку, а я бегал вокруг них, гонялся за бабочками и бросал камешки в воду. Зимой я катался по реке на коньках, наблюдая за мамой и папой, так же гулявшими, держась за руки, только теперь они вдвоем заворачивались в теплую вязаную шаль.

Мои воспоминания о маме, папе и Скаржиско-Каменне полны любви, смеха и доброты.

Я был младшим в семье. Я родился 2 февраля 1931 года. Дом наш был маленький, деревянный,

крытый дранкой. Мы с братьями спали в одной комнате, в общей постели.

По вечерам я засыпал под мамино пение, пока она что-то готовила на кухне, а потом частенько просыпался от папиного храпа.

Братья мои были сильные и всегда побеждали на местных соревнованиях по бегу и на футбольных матчах. Еще они были красивые — настолько, что девушки оборачивались им вслед. Даже ребенком я замечал, как у девушек розовели щеки, как они заворачивали внутрь носок одной ноги и слегка сгибали колено, как кокетливо склоняли голову к плечу, когда кто-то из моих братьев проходил мимо. Я очень гордился своей семьей. Я знал, что вырасту таким же, как мои братья, особенно Мойша, который поступил в университет и собирался стать инженером. Ему нравилось возиться с проводами — он говорил, что построит радиоприемник, который будет принимать даже Америку. Я хотел стать инженером, как он.

Мама всегда держала для меня на плите куриный суп, чтобы накормить, когда я прибегу домой. Я помогал папе подметать обрезки ткани с пола его мастерской, скручивал мерные ленты и убирал инструменты, пока он занимался с посетителями. Я складывал в поленницу дрова, которые кололи мои братья. Еще я собирал в лесу растопку и подметал дорожку до улицы, которая вела в центр Скаржиско-Каменны, где находился кинотеатр — мое любимое место в городе.

Дома мы устраивали потрясающие ужины. Вся семья, вместе с многочисленными гостями, усажи-

вალაсть за массивный дубовый стол, который папа построил сам; мы потягивали вино из бокалов, которые мама доставала из буфета только по торжественным случаям. Когда беседы становились серьезными — например, речь заходила о том, что творится в Польше, — женщины покидали мужчин. Мои старшие братья оставались за столом. Наша еврейская община была очень консервативной. Даже в синагоге женщины сидели на галерее, а мужчины — на основном этаже.

Одно из моих самых теплых воспоминаний касается женитьбы Хаима на Голде, самой красивой девушке, какую я когда-либо видел. У нее были угольно-черные кудрявые волосы, и один завиток падал на лоб, словно перевернутый знак вопроса. Руки Голды были гладкие, изящные; она танцевала по комнате, напевая песенки на идише, или рассказывала разные истории. Эта девушка напоминала мне лебедя. Я не на шутку влюбился в Голду и захотел сам жениться на ней — даже попросил папу, когда к нам пришел *шадхен*, сват, договориться, чтобы она стала моей женой. Но я был всего лишь ребенком, а Хаим — мужчиной. Он уже отслужил обязательные два года в польской армии и вернулся офицером, а теперь занимался строительством, чинил людям дома и заборы. Хаим может дать Голде больше, чем я, ответил папа. Я вздохнул, глотая слезы, но нашел утешение в мысли о том, что Голда навсегда останется с нами в качестве жены брата.

У них на свадьбе я ел все подряд — халу, гефилте-фиш, голубцы и тушеную курицу. Потом танцевал хору, круг за кругом, и опять усаживался

есть, пока от усталости не заснул прямо за столом, уронив голову в миску с засахаренными фруктами и сметаной. Когда я проснулся, волосы у меня были липкие от меда; все остальные ушли танцевать в сад. Встрепенувшись, я поспешил присоединиться к ним.

Когда я посмотрел в небо, мне показалось, что звезды танцуют вместе с нами.

* * *

Но между 1939 и 1945 годами я лишился этих воспоминаний. Впоследствии они вернулись назад, но только фрагментами — разрозненные обрывки, напоминающие лоскутки ткани, из которых мама шила пестрые покрывала.

1 сентября 1939 года германская армия под командованием фюрера Адольфа Гитлера и его нацистской партии вторглась в Польшу. Меньше, чем через месяц, войска вермахта полностью захватили страну.

Нацисты лишили евреев всех прав.

В 1941 году нашу семью выгнали из дома и переселили в еврейский квартал — точнее, гетто. Любви больше не было места в Скаржиско-Каменне; тьма стусилась вокруг нас, и я забыл, откуда я родом.

Я многое хранил в тайне, в глубинах своей души. Наверное, так было нужно.

Мой добрый друг доктор Роберт Крелл, психиатр на пенсии, еще один еврейский мальчишка, которого прятали во время Холокоста, как-то сказал

мне: «Когда приходится выживать, воспоминания становятся роскошью, не так ли?»

Многие годы, будучи еще ребенком, я жил лишь текущим мгновением, сознавая, что охранник, стоящий рядом, может в любой момент меня убить. Я не знал, откуда перепадут мне в следующий раз жалкие крохи пищи, и перепадут ли вообще. Не знал, кому могу доверять, и какой мужчина — или мальчишка — меня предаст. Много раз меня избивали до полусмерти, и я едва избежал судьбы, постигшей большинство моих товарищей.

Мысль записать мою историю впервые пришла ко мне в 1984 году, когда Джеймс Кигстра, школьный учитель из Альберты в Канаде, сказал своим ученикам, что того, что со мной случилось, того ужасного периода в истории человечества под названием Холокост, или, как его называют евреи, Шоа, никогда не было.

С 1939 по 1945 год из более чем девяти миллионов евреев, живших в Европе, около шести миллионов, включая полтора миллиона детей, были уничтожены нацистами, зачастую варварскими, бесчеловечными методами, включая газовые камеры и жестокие медицинские эксперименты. Нацисты пытали и убивали нас. К 1945 году девяносто процентов — невероятное число! — польских евреев были мертвы. Некоторые погибали, бросаясь на ограждения из колючей проволоки под током в концлагерях. Эти люди сдались.

Я был там. Я ребенок, переживший Холокост.

Я был рабочим, нет, рабом на оружейной фабрике, изготавливавшей оружие для немецких солдат